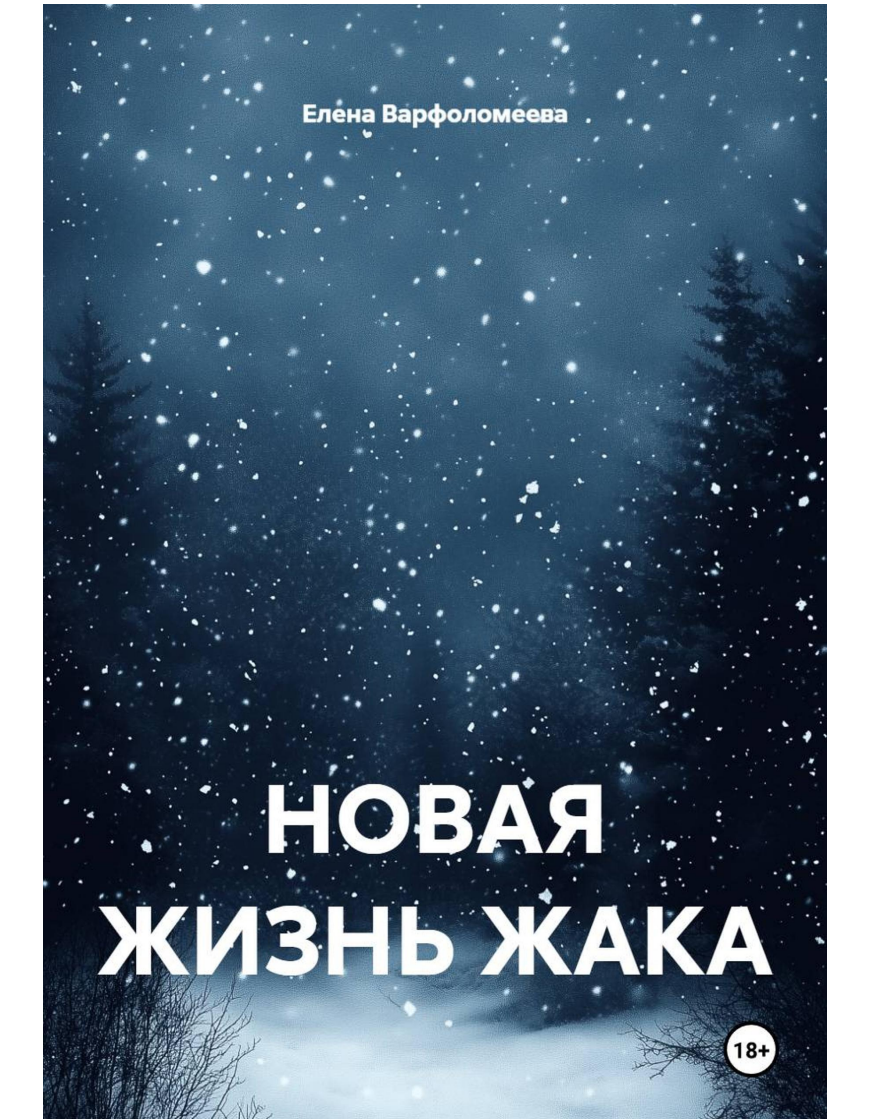

Елена Варфоломеева

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЖАКА

18+

Елена Варфоломеева

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЖАКА

<https://litres.ru/74635743>

SelfPub; 2026

Аннотация

Съемки фильма должны были стать Антуана очередным прорывом в карьере. Вживаясь в образ своего персонажа, он и представить не мог, насколько тонкой окажется грань между актерской игрой и реальностью.

Постепенно привычный мир Антуана начинает рушиться: чужие воспоминания, необъяснимые порывы и властное присутствие иной личности шаг за шагом вытесняют его собственное «Я». Разрываясь между отношениями, съемками и пугающим чувством потери контроля над собственным разумом, Антуан пытается найти ответ: где заканчивается он сам и начинается тот, чья душа оказалась сильнее?

Мистическая драма о цене настоящего искусства и поисках истинного себя

Елена Варфоломеева

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЖАКА

Все персонажи и события книги являются вымышленными или художественно осмыслены. Книга представляет собой мистическую драму и не содержит пропаганды, нарушающей законодательство РФ. Все совпадения имен и событий случайны.

Сначала пришёл холод. Отрезвляющий, колющий...

Это было что-то совсем другое. Что-то слишком уж многоликое.

Антуан впервые почувствовал его в гримёрке, натягивая шелковую рубашку. Руки задрожали - не от усталости после двенадцати часов съёмок, а от странного узнавания: пальцы сами нашли складку ткани у запястья, сложили её определённым образом, как будто делали это тысячу раз. Как будто эта ткань была не костюмом, а второй кожей.

- Ты сегодня какой-то... отсутствующий, - сказал гримёр, припудривая ему скулы. - Как будто не ты здесь.

Антуан не ответил. Потому что в тот момент он видел не своё отражение в зеркале. Он видел мальчишку лет десяти, босого, с соломой в волосах, который бежит через поле в Шампани, к речке, где вода такая прозрачная. Видно, каждую гальку на дне, весело на сердце. Мальчик смеётся даже

нет, не смеётся: он поёт. Тонкий, чистый голос. И этот голос — его.

Антуан отдёргнулся. Что происходит? Я сошёл с ума?

Ночью, когда Париж засыпал под розовым туманом огней, Антуан встал с кровати, подошёл к окну и положил лоб на холодное стекло. А потом заплакал. Давно такого не было. А может, и не бывало никогда. Заплакал, как тот самый мальчик, бегущий по траве. Не от давления съёмочного графика или небольшого гонорара, а от тоски по чему-то, чего никогда не знал - и что всё же помнил каждой клеткой.

Струящиеся, невесомые шторы нежного персикового цвета. За столом сидят две девушки, примерно одногодки, и седой мужчина.

-Пап, послушаешь новую песню?

-Ещё бы! -мужчина широко и тепло улыбнулся.

-Позовём Жака?

-Жааак, Жааак, где ты? -одна из девушек принялась скакать по комнате и заглядывать в шкафы и на полки. Она пробежала по коридору. В шутку заглянула в цветочную вазу: — Жаааак, ты здесь? Ах, вот он, наш маленький негодник! Папа, я нашла его!

И точно - за одной из штор прятался малыш. Все смеялись.

- Жааак, защекочу! - он было собрался вновь бежать, но девушка опередила его. Потом она кружила его, и все смеялись. Особенно мужчина, который был им отцом. И, кажется,

ся, лучшим другом.

Наигравшись, она уселась за рояль, и рядом придвинулся Жак. Она играла. Мальчик вступил. Голос был у него восхи-
тельный: яркий и насыщенный, как летнее солнце на заре.

- Жааак, я так тебя люблю, мой мальчик, -отец широко улыбался, и были заметны счастливые слезинки в уголках его глаз.

ЭТО ТЫ

- Что это, чёрт... - Антуан никак не мог успокоиться. В последнее время странные, незнакомые картины буквально преследовали его. С того самого дня, как он согласился сниматься в новом проекте. С той самой роли...

Пульс участился, на лбу выступил пот. Это была очередная паническая атака. Антуан замер, пытаясь задержать дыхание и совладать с ней. «Что происходит? Я спятил?» — он посмотрел в зеркало. Глаза были слишком уставшие и какие-то абсолютно чужие. Не его глаза. Он застыл в таком состоянии на несколько минут. А может, на вечность. Изучая своё лицо. Полегчало. Или кажется.

- Антуан, ну же, где тебя носит?! Подними уже телефон! — голос из соседней комнаты вернул его в «здесь и сейчас». Съёмки... Ах, да. «Возможно, пора завязывать с виски», -

он выдохнул, паника отступила. Мир снова стал привычным. Привычным и чужим.

Мысль о том, что это уже не первая его жизнь, посещала Антуана давно, ещё с подросткового возраста. Но сейчас, именно с началом фильма, стала навязчивой. Слишком ярко, слишком чётко. «Нет, это точно не фантазия. Это мои реальные воспоминания!» - пронеслось в голове. Завтра будет новый день, и всё успокоится.

- Чёртов будильник! - Антуан, пытаясь выключить его, сбросил на пол вместе со сценарием, который так и не дочитал. Ночь прошла, словно её и не было, и какая-то нудная, вялая усталость ощущалась каждым суставом. Встав с кровати кое-как, он отправился в душ. Ледяной душ всегда поможет проснуться- так его с детства учила мама. Постояв под ледяными струями минуты три, Антуан вернулся к жизни. Вода облачала тело в особое, сильное энергетическое пространство, стекая по лицу, шее, груди. Это было приятно. Антуан потянулся:

-Неужели сегодня я в норме?

И точно: никаких воспоминаний, никаких сестёр, никакого р поместье неподалёку от Нанта... Возможно, так на него повлияла эта роль и он слишком уж проникся ею, детально представляя себя Жаком и проигрывая каждый момент его жизни. «Но откуда столько воспоминаний из детства? Об этом нигде не написано... Может, это всё фантазия?» В школе Антуан лучше всех писал сочинения, и вот старые талан-

ты проявились вновь. Ну нет... Слишком всё реалистично. И отец - тот мужчина с длинными седыми волосами. Как-то слишком явно он представлял его, слишком отчетливо слышал его голос... Знакомый и, как будто, очень родной...

Антуан взглянул на себя. Зеркало в ванной запотело, он протёр его рукой. Посмотрел в глаза.

-Что ж! Ты очень даже! -подмигнул сам себе. Борода и причёска выглядели идеально, этот новый барбер - действительно кудесник.

Он надел свой любимый халат, ещё раз подмигнул зеркалу. В гардеробной выбрал нежно-розовую рубашку из льна и пиджак из новой коллекции Александра Маккуина.

Антуан не был эталонным красавцем, но вся его харизма, манера держаться, энергия - всё было намного круче. Он вдохновлял окружающих одним своим присутствием. Очаровывал смехом. Заряжал радостью. Он нравился друзьям, знакомым и незнакомым. Пользовался успехом у женщин. Они сами звонили ему, писали ему. А некоторые -платили за него. Он придерживался мнения, что платить может любой, и рожать детей необязательно. Каких-то глобальных планов на жизнь не строил. Разве что хотел быть актёром. И вот буквально полгода назад случился контракт, перевернувший его жизнь.

Как это произошло? Почему он? Среди сотен смазливых прытких актёров всех мастей, форм, интеллектов? На этот вопрос ответа не было. Кроме смутных догадок самого Ан-

туана о том, что он играет самого себя. Играет себя в прошлой жизни. Лет пятьдесят назад. Возможно ли это? Конечно же, нет. Дурость. Последствия грязного мартини. Тогда как объяснить его чёткие образы дома, всех родных, отца? Комнаты, в которой жил юный Жак? Этой информации нигде не было. Нигде, кроме его головы. И фотографий, которые ему показал внук сестры Жака ... Фотографий, которые вонзились в его душу, словно самый острый клинок. Там всё было ужасно знакомо. Обои с лилиями, ковёр и тахта, на которой сидели дети.

Шутка ли, что Антуан взялся за эту роль. Осенью съёмки ещё не закончились, и актёры отправились в поместье, принадлежащее семье Жака. Виноградники, поля, старый огромный дом, похожий на верного пса, который во что бы то ни стало дожждётся своего хозяина - даже с того света.

Некоторые окна выходили в сад - это был невероятный вид. От красоты даже у режиссёра перехватило дыхание. Сентябрь выдался тёплым и солнечным, и деревья совсем ещё не собирались менять цвет своих бальных платьев. В саду было лето. Фонтан, расположившийся прямо в центре сада, был словно царь - гордый, молчаливый, властный.

- Вы ещё за домом посмотрите наш пруд с золотыми рыбками, - сказала милая веснушчатая блондиночка, дальняя родственница главного героя.

-С золотыми рыбками? М-м, не обманываете? — и режиссёр, взрослый дяденька шестидесяти четырёх лет, словно ра-

достный первоклассник, поскакал смотреть на рыбок. - Красота! Идите все сюда!!! Однозначно сцену депрессии будем снимать здесь.

Антуан подошёл к пруду. Миниатюрная визажистка-немка поправила ему грим на лице. Ей пришлось встать на носочки, а Антуану - согнуться практически вдвое, потому что ростом он был 198 сантиметров.

Дежавю. Пруд знаком ему до каждого камешка. И фонтан, конечно, тоже. Он вспомнил, как отец только собирался заняться садом и они с матерью часами спорили о том, стоит ли запускать рыбок и какие цветы предпочтительнее. Мама любила пионы. Антуан помнил. Ароматные, нежные цветы, похожие на неё саму. Папа любил розы. Поэтому в саду были и пионы, и розы всех цветов, и маргаритки. Гости всегда обращали внимание на сад де Башеров и восторгались его изящностью и неповторимостью.

- Когда я прихожу к вам, все проблемы улетают вмиг, стоит лишь взглянуть на сад, — говорил папин давний товарищ Бернар, с которым они дружили не меньше четверти века.

Он вспомнил, что родители часто спорили. Особенно по вечерам, обнявшись и укутавшись в плед - один на двоих.

И вот, усевшись на диван в причудливых пушистых носках из овечьей шерсти, мама доказывала папе, чем хороши белые тюльпаны. А папа говорил, что лучше красных быть

не может. И было всё это очень мило: они никогда не переходили на крик или ругань. Прожив вместе 55 лет, они только ещё больше полюбили друг друга и, казалось, стали единым организмом. Добрым, чутким и понимающим. Это была в самом деле счастливая семья. С тёплыми объятиями, светлыми традициями и принятием. Долгими разговорами по душам, честностью и уважением.

- Антуан, чёрт тебя подери, где ты? Нужно выбрать ещё две локации! - он услышал раздражённый голос ассистента режиссёра.

- Я сейчас подойду, - ответил он, но как-то слишком тихо, так что сам еле слышал.

Его уже искали по всему дому. Антуан неспешно зашёл в столовую. Там всё поменялось. Современный мир всевозможных аэрогрилей и комбайнов уютно переплёлся со старинной посудой. В центре кухни устроился огромный круглый стол из массива. Этот стол Антуан тоже помнил прекрасно.

- Да что же со мной происходит... становится просто невыносимо...

-Антуан сел на стул возле окна. Вид был знаком до дрожи. Он помнил, как мама выглядывала из окна этой самой кухни. Как сестра часами сидела на подоконнике за чтением очередного любовного романа. «Завтра же запишусь к психотерапевту», — сказал он сам себе. И отправился искать режиссёра.

Как такое могло случиться? Разве это возможно? До чего фантастическая ситуация! Не то чтобы Антуан верил в то, что души могут жить множество жизней в разных телах. Он не верил. И даже отрицал любые религиозные убеждения. В семье Антуана тоже никто не искал философских ответов о смысле жизни, миссии или предназначении.

Как возможно, что однажды актёру предложат сыграть роль известного французского денди 70-х, умершего от СПИДа, и этим денди в 2026-м окажется он сам? Это невозможно! Тогда как объяснить те факты, которые не помнили даже самые близкие Жака, но прекрасно помнил Антуан? До мельчайших деталей. Каждую мелочь. Помнил абсолютно всё.

Когда это началось? Не с первого дня съёмок. А с того момента, когда съёмочная группа во главе с автором сценария отправилась познакомиться с родственниками главного героя. Нужно было изучить всё. Дополнить, преувеличить там, где это уместно, и преуменьшить там, где неуместно. Антуан поехал с ними. Ведь это его задача — максимально раскрыть образ через роль. Передать эмоции, чувства, мысли, скопировать манеры.

У них было много, очень много разных фотографий. Огромные альбомы, где была вся семья де Башеров, начиная с раннего детства. Были даже фото трёхлетнего папы в забавном чепчике, усаженного рядом с братьями. Папа на этом фото был сердитым. Должно быть, чепчик не соответство-

вал его представлениям о стиле. Или он просто хотел играть, а не позировать с братьями, которые секунду назад сильно щипали его за щёки, и он расплакался.

И вот на одной из фотографий стоял Жак де Башер в возрасте пятнадцати лет с рыжей подругой Анной. Фото на фоне леса. Судя по всему, весна. На Жаке уже тогда был отличный костюм: белая шляпа, шёлковый платок, перчатки. Возле его ног улёгся очаровательный белый пёс.

- А как его зовут, вы помните? - спросил у племянницы видеооператор.

-Ой, это было так давно, я его даже не видела...

Антуан взглянул на фото. И впервые - вот именно в тот момент, в тот день, в ту секунду -чувствовалось эхо этого жгучего дежавю. Пса звали Зефир. Он вдруг отчётливо это вспомнил... Услышал её лай. Увидел себя рядом, убегающим от неё, радостным, девятилетним... Картины в голове были очень яркими. Слишком настоящими. Продолжалось всё это не больше десяти секунд. У Антуана закружилась голова. Пошла кровь из носу.

-Антуан! Антуан, ты в порядке?! - словно эхо, пронеслись чьи-то голоса. - Вызывайте скорую! -последнее, что он помнил. А потом всё: тишина, темнота. Антуан потерял сознание.

КЛИНИКА

Солнечное утро. Лучи заманчиво и многообещающе пробирались сквозь больничную занавеску. На прикроватной тумбе красовался невероятных размеров букет с пионами. На полу тоже было шесть или семь букетов. Все они были с записками и пожеланиями скорейшего выздоровления - предназначены известному актёру, восходящей звезде Антуану Волларду. Мягкая постель, даже слишком.

-Как же давно я уже так не высыпался... - Антуан посмотрел по сторонам.

В палате никого не было, кроме всех этих цветов и охапки воздушных шаров с ярко-красными глянцевыми сердечками, скромно дрожащих под потолком. Окно в палате было приоткрыто, и ветер аккуратно подглядывал за Антуаном, развевая безликую больничную штору. Даже непонятно, какого она была цвета. Словно «никакой» - это тоже цвет. И люди такими бывают.

Дверь тихо скрипнула. В палату вошла медсестра - молоденькая, в накрахмаленном халате, с планшетом в руках. Увидев открытые глаза Антуана, она едва не уронила ручку.

- Месье Воллард! Вы очнулись! Как вы себя чувствуете? Голова не кружится?

-В порядке, -сипло проговорил Антуан, с трудом нащупывая собственный голос. — Сколько я проспал?

- Почти сутки. Режиссёр оборвал все телефоны, а ваши поклонники... ну, вы сами видите, -она качнула головой в сторону охапки шаров.

- Врач сказал, это сильное переутомление. Вам нужен покой.

Антуан мельком глянул на пышные пионы на тумбочке, и в груди опять сладко и больно кольнуло:

-А пионы... кто принёс?

- Ассистентка со съёмок, - улыбнулась медсестра, поправляя капельницу. -Сказала, вы их обожаете.

-Не я, - тихо, почти беззвучно произнёс Антуан, отворачиваясь к окну. - Их обожала моя мама...

Антуан любил женщин. Всех. Всегда. Он слишком рано узнал всё про отношения - слишком много и многих, позволяя себе абсолютно всё. Всё, кроме обязательств, посягающих на его личную свободу.

Несколько лет он жил с топ-моделью, по которой сходили с ума сотни мужчин, включая парочку его близких друзей. А вот Антуан... он просто любовался ею, как дорогой коллекционной вазой, не более. И когда она, ещё недавно громче всех заявлявшая, что штамп в паспорте - это пережиток прошлого, вдруг стала требовать какого-то «качества и развития» - он просто поставил жирную точку.

Манекенщицу это задело до глубины души. Ещё несколько месяцев она не могла успокоиться, ежедневно присылая Антуану по пятнадцать злобных сообщений. Их смысловой

центр всегда сводился к одному: он ничтожество высшего сорта, нарцисс и бессердечная сволочь.

После была интрижка с визажисткой, работавшей с ним на том самом проекте, который и сделал его знаменитым.

Легкий, ни к чему не обязывающий роман. Общие интересы, творческий хаос, бесконечные съёмки, шумные тусовки, модные бары и ночные знакомства. И всё было замечательно - ровно до того дня, пока он не застал её со своим телефоном в руках. Она судорожно и с горящими глазами листала его переписки, пытаясь выяснить, нет ли у него параллельного романа.

- Ты ведь могла меня просто спросить? - тихо сказал он, опираясь о дверной косяк.

- А ты мог мне просто соврать, - она грустно улыбнулась, даже не попытавшись спрятать гаджет.

- Почему ты считаешь, что я буду врать?! - не ожидая сам от себя, Антуан перешел на крик.

Ведь это было не просто сомнением в его верности - грубое, наглое посягательство на его личную жизнь и святую свободу. А именно этого он боялся в отношениях больше всего на свете.

Она плакала и молчала. Телефон выскользнул из её дрожащих пальцев и с глухим стуком упал на паркет. Все было кончено, и они оба это прекрасно понимали.

Это была их последняя встреча и последний разговор. Антуан органически не переваривал нарушение личных границ.

А с границами - слава Богу! - у него всегда всё было в полном порядке.

После визажистки стартовала целая череда легких, абсолютно малозначительных романов. В его постели сменяли друг друга дерзкая барменша, архитектор по имени Саманта, строгий коуч и фитнес-тренер (какая же у неё была фигура - хоть картины пиши!). Ни по одной из них Антуан не скучал, никому не перезванивал и не отвечал на запоздалые ночные сообщения. Таков был главный принцип его жизни: если ставить точку, то окончательную. Иначе всё это - пустой звон и дешевый драматизм.

Месяца за три до того, как попасть в больницу, он начал встречаться с секретаршей киностудии по имени Марго. Она была абсолютно не в его вкусе: со слишком выдающимся носом, широкими бедрами и смешной походкой, но при этом - веселая и милая.

Секретарша ему по-настоящему понравилась. Впервые за долгое время Антуан искренне хотел радовать кого-то, кроме себя самого. Они ужинали в роскошных ресторанах (где всё местное общество, конечно же, узнавало его и просило автографы), вместе проводили уик-енды, ездили за город и однажды даже заехали к её родителям, у которых оказался фантастически красивый дом с огромным садом.

Серьезных отношений Антуан по-прежнему не хотел. Да и кто может составить достойную компанию исключительно нарциссу? Но и перспектива расстаться с очаровательной

Маргаритой совсем не вдохновляла.

- Может, нам стоит съехаться? - спросил он однажды, улыбаясь своей отточенной звездной улыбкой.

- Ты же сам говорил, что тебе всё это не нужно, - она выглядела совершенно растерянной. - Я же не предлагаю тебе выходить за меня! Ты чего, дурашка?

- Я ничего... Просто... Можно я пойду? Вечером наберу тебя, - она наспех накинула свое яркое синее пальто и буквально выбежала на улицу.

- Что за херня, Марго? В чем дело?! - крикнул ей Антуан в раскрытое окно.

Но она ничего не ответила, даже не обернулась и зашагала по тротуару ещё быстрее.

После этого случая он сам позвонил ей – тем самым нарушив свои же железобетонные «отношенческие» принципы.

- Ну привет, милый. Хочешь выпить? - ее голос в трубке снова был веселым, как раньше. - - Ты мне не ответила, малышка. Помнишь?

- Я не хочу отвечать! Зачем тебе это? Нам ведь и так хорошо! - она выдерживала строгие, почти ледяные паузы между каждым словом.

- Что это значит, детка? Ты бросаешь меня?

- Нет. Я просто не хочу ничего менять. Понимаешь?

Антуан почему-то ужасно расстроился от этого разговора. Он почувствовал себя униженным, растоптанным и беспросветно одиноким. Бросил трубку и еще несколько часов не

мог прийти в себя, нервно шагая по квартире. Сам факт, что кто-то не захотел жить с ним - с Антуаном! - приводил его в бешеное исступление.

И не просто кто-то, а какая-то безмозглая, поверхностная телка! Он стал судорожно вспоминать и выискивать в ней всё самое негативное: неидеальную фигуру, странную манеру одеваться, громкий голос... Но на ум упорно приходил только её звонкий, искренний смех и неукротимая радость жизни.

- Вот же тупая сука! - сказал он вслух пустой комнате, словно она сидела напротив. - Сука... Я и без тебя прекрасно жил!

Антуан чувствовал себя брошенным - впервые в своей жизни. Впервые женщина не уступила ему, не умоляла всё вернуть и не извинялась. Недели две или три он ругал её и отчаянно ненавидел. Точнее, очень пытался ненавидеть.

«А что, если это и была любовь?» - вдруг проносилось в голове, и он спешно гнал эти мысли, обескураженный и смущенный собственной уязвимостью.

Сейчас, спустя время, Антуан уже не думал о ней. Забыл её смех, профиль и привычку смешно кусать ногти, когда что-то идет не по плану. Если бы это была любовь, он бы всё ещё думал о ней, верно? А возможно, всё дело было лишь в том, что Антуан теперь всячески избегал случайных встреч и даже перестал заглядывать в любимую кофейню на углу, которую она тоже обожала.

После этих отношений он был один и категорически не собирался заводить романов. Никаких совместных поездок на океан, никаких дурацких подарков на день рождения. Слишком много приходится платить за сомнительную привилегию быть с кем-то.

И вот - юная, растрепанная медсестра, эти расстегнутые пуговицы, выбившаяся прядь волос и чистая улыбка... Он вдруг страстно захотел узнать её. Узнать, что она любит, какие мужчины ей нравятся, какая кухня её восхищает. Захотел увидеть, как она расчесывает волосы по утрам и как сладко потягивается в постели.

«Что за бред!» - пронеслось у него в голове в ту же секунду.

Он пытался одёрнуть свои фантазии, но никак не получалось. То ли физическая слабость и недавний обморок, то ли незавершенные прошлые отношения - что-то толкло его к этой миловидной медсестре с неведомой, почти магнетической силой.

- Ну что, Антуан, как поживаете? - в палату вошел мужчина средних лет, очень высокий. Ему пришлось даже немного нагнуться, чтобы не удариться головой о дверной проем.

«Должно быть, его рост больше двух метров... Мог бы стать звездой баскетбола», - отметил про себя Антуан и ухмыльнулся.

Это, без сомнения, был главный врач. Уверенный, пронзительный взгляд, широкие плечи, седина - слишком ранняя

для его возраста, как будто. Но, возможно, ему уже под сорок пять.

- Так что, готовы отправиться домой? - продолжил доктор, внимательно изучая параметры на мониторе и глядя на Антуана.

В это время медсестра тихонько скрылась за дверью, словно извиняясь за то, что и так слишком задерживала осмотр.

- Если это возможно, я готов к выписке прямо сейчас! - весело ответил Антуан.

- Бывали ли раньше у Вас головокружения или что-то подобное?

- Не припомню, - соврал Антуан, тщательно утаивая истинные причины произошедшего. - Что ж... По анализам Вы более чем здоровы. Возможно, сами съёмки вас так утомляют? - Возможно... - немного растерянно ответил Антуан.

«Как только выпишусь, обязательно найду хорошего психотерапевта», - заключил Антуан уже в собственной голове.

Доктор провел со звездным пациентом ещё немного времени: измерил давление, послушал дыхание и настоятельно рекомендовал остаться в больнице до завтрашнего утра.

- Перспектива для киностудии так себе, а вот для меня - вполне себе! - ответил Антуан с откровенным облегчением. Ему просто необходимо было взять номер телефона у этой восхитительной медсестры, напомнившей ему о том, как прекрасны бывают женщины.

В палате он скучал и одновременно радовался: никаких

навязчивых мыслей после случившегося, никаких дежавю. Он начал думать, что всё это и впрямь могло быть лишь временным помешательством. Слишком много съёмок, слишком мало сна и полное отсутствие нормального режима питания. Да, определенно, всему виной дикая усталость!

Но тогда... как объяснить те мельчайшие детали, о которых он прекрасно знал еще до рассказов родственников? Прическу, которую носила мама по воскресеньям - с ярко-розовой заколкой, на которой красовалась атласная орхидея, усыпанная стразами? Имя старой собаки, любимый рецепт пирога сестры и ту глупую песню, которую он когда-то пел для отца?

- Что за ерунда, а, Антуан?? Все ли с тобой нормально, дружище? - сказал он сам себе с лёгкой обеспокоенностью.

А потом уверенно добавил вслух: - Разберусь со всем этим и вернусь к прежней жизни!

Вскоре он крепко заснул на несколько часов. Ему снились какие-то совершенно психоделические, сюрреалистичные картины.

СОН, ЛЮБОВЬ И ЛИЗА

Огромные, сочные мандарины на колесах мчались по шоссе, обгоняя старинные кареты с женщинами, разодетыми в наляпистые, исполинские шляпы. Магазин съедобных табуретов с одноименной неоновой вывеской, где прямо

на витрине красовался табурет, собранный из лоснившейся ветчины. На нежно-голубом небе вместо облаков висели шелковые чулки и медицинский халат, застегнутый не на те пуговицы. А вместо солнца-необъятного размера голова медсестры с ярко-красными губами.

Солнце-голова улыбалось многочисленными, до неприличия белыми зубами и игриво подмигивало. Во сне Антуан мучительно пытался понять: кому именно? А потом он безуспешно пытался взять у солнца автограф, яростно притворяясь, что является мировой знаменитостью. Солнце-медсестра его абсолютно не слышала и продолжала улыбаться всем подряд.

Антуан чувствовал, как липкая ревность закипает в нём. Не выдержав, он разбил камнем витрину съедобных табуретов, откусил ножку одного из них -табурет неожиданно оказался из выдержанного пармезана. Потом он где-то раздобыл в этом же магазине несъедобную стремянку, взобрался на самый верх и принялся во всё горло орать солнцу-голове, что он влюблен!

На этом самом моменте, весь в поту и на нервах, Антуан резко проснулся. Такого дикого сна с ним еще никогда не случалось, и еще несколько минут он тревожно озирался по палате в поисках той самой стремянки.

- Вот же ужас... Это, скорее всего, от успокоительных, которые мне вкололи, - сказал он сам себе вслух, вытирая пот со лба дрожащей рукой.

Дверь в палату тихонько открылась, и на пороге материализовались несколько коллег по новому фильму. В руках у них были корзины со всякой съедобной ерундой и огромный букет белых тюльпанов, который едва помещался в руках одной из молоденьких актрис.

- Ну чё, дружище, как ты? Когда на выписку? - спросил, улыбаясь, низкий и плотный мужчина лет сорока пяти с огромным носом. Это был актер второго плана по имени Себастьян. Они с Антуаном как-то очень быстро нашли общий язык (как минимум на почве взаимной любви к джину и качественной текиле) и крепко сдружились.

- Думаю, через пару дней буду в строю, - ответил Антуан. И вдруг спросил: - Слушайте, а ветчины в ваших корзинах нет?

- Так тебе ж нельзя, наверное, - виновато ответила одна из девушек. - Тут фрукты в основном...

- А с чего вдруг ветчина? Замучило больничное питание? - уточнил Себастьян, еле сдерживая смех.

- Да мне вот только что приснилось, что я с аппетитом ел ножку стула, полностью сделанного из ветчины...

Себастьян расхохотался во всю глотку, и две девушки возле него тоже хихикнули.

- Вот это я понимаю - настоящий мужской голод! - Себастьян ухмыльнулся и добавил: — Если хочешь, я могу прямо сейчас сгонять за сэндвичем из твоего любимого бистро, только скажи.

- Пожалуй, я соглашусь! - Антуан уже предвкушал вкус нормальной еды.

Вся команда была искренне рада видеть Антуана в хорошем настроении и выздоравливающим. Ведь от его состояния прямо зависело их общее детище, настроение режиссера и, конечно же, финансовые бонусы.

Часа через полтора, когда Себастьян уже вернулся и Антуан остался один, в палату зашла медсестра - та самая, чья голова во сне подменяла солнце.

В руках у нее был планшет с его больничной картой.

- Что это вы тут удумали, а? Нарушать режим собираетесь? Может, уже и пиво всюю пьете? - ее тон был суровым, но одновременно легким и добрым.

Антуан был невероятно рад снова её видеть. Ему показалось, что она стала еще красивее.

- Если от этого улучшится ваше настроение - сэндвич я могу выкинуть! - заявил он.

- У меня есть другое предложение, но оно может вам не понравиться, - вдруг с нежностью произнесла она.

- Я готов к чему угодно!

- Давайте вместе съедим ваш сэндвич! — она широко улыбнулась.

Антуан любовался ее ямочками на щеках

- Такой ход дел меня более чем устраивает! — он расплылся в ответной и протянул ей большую часть своего любимого сэндвича с пармезаном, вялеными томатами и прошутто.

Она без лишних церемоний уселась на край его кровати и с аппетитом принялась уплетать свою половину.

- А мы с вами отличная пара! У нас, оказывается, очень много общего.

- Например, любовь к ночному обжорству? - медсестра засмеялась, и от этого простого смеха стала еще более притягательной.

Что-то в ней было такое особенное, манящее и женственное.

- Как тебя зовут? Раз уж мы разделили сэндвич... - осторожно спросил Антуан.

- Лиза!- ответила она и снова улыбнулась

- М-м-м, медсестра Лиза... После всего, что между нами было, я просто обязан на тебе жениться!

- Мы только перешли на «ты», а я уже выхожу замуж? Современные нравы изменились, однако, -она продолжить улыбаться, но профессионально глянула на часы. - Вообще-то мне долго нельзя здесь сидеть, еще нескольких пациентов нужно проведать. Так что - до вечера!

Она быстро встала, привычным движением поправила выбившуюся прядь и смахнула с халата крошки от сэндвича.

- До вечера, - повторил Антуан.

Он уже с нетерпением ждал этого вечера. Надо же: он совсем забыл о своей работе, о странных галлюцинациях, необъяснимых отсылках к жизни Жака де Башера и о том, почему он вообще оказался в этой самой больничной пала-

те. Вот так одно случайное знакомство вернуло ему радость жизни. Но случайное ли?..

Остаток дня Антуан был поглощен воспоминаниями о своих прошлых женщинах и попытками понять: где же он в свое время перегнул палку? Вопреки жадному нарциссизму, свойственному каждому успешному актеру, Антуан на самом деле не нуждался в слепом, благоговейном восхищении. Он вовсе не хотел видеть рядом с собой влюбленную фанатичку. Единственное, что ему было жизненно необходимо - это свобода. Возможность дышать полной грудью без постоянного страха, что кто-то тайком проверяет твой почтовый ящик или личный телефон.

Ему нужно было доверие. Ведь если ты безусловно доверяешь - нет даже мысли усомниться.

Антуан никогда не изменял своим подругам. Да, он мог безобидно флиртовать, делать тонкие намеки и даже дарить огромные шикарные букеты какой-нибудь очаровательной танцовщице после шоу. Но не изменять. Он знал себя и ждал такого же понимания от отношений. Единственный раз, когда ему действительно хватало свободы - девушка сама ушла от него. И это было полнейшей неожиданностью, ведь Антуан был искренне готов развивать эти отношения. Скорее всего, через несколько месяцев он даже сделал бы ей официальное предложение.

Об этом, конечно же, тут же узнала бы пресса и раздула целое феерическое шоу на страницах глянца. Потом состоя-

лась бы сама церемония: Антуан в шикарном фраке, со своей безукоризненной улыбкой, пленяющей каждого смертного, и его невеста - скромная, никому не известная... Через год у них бы родился крепыш-мальчик, и назвали бы его Поль или Пьер. Потом - еще и девочка. И вот, лет через пять, их свобода окончательно испарилась бы в бытовых тяготах, детских соплях и грязных ползунках. Настойчивое давление прессы, постоянные подозрения уставшей, вечно беременной или восстанавливающейся после родов жены - и вот они уже на грани громкого развода. Однажды утром Антуан спускается к завтраку и застаёт её, нервно копошащейся в его ноутбуке в поисках компромата.

- Что ты делаешь, милая? - тихо спросит он.

- Перестань вести себя со мной как с идиоткой! Слышишь?! - выкрикнет жена со слезами на глазах.

- Я ведь правда ничего не понимаю...

- Зато я всё прекрасно понимаю! И я, и вот этот журналист! - она ткнет ему в лицо экран с какой-то свежей сплетней в соцсетях под орущим заголовком: *«У Антуана Волларда появилась новая женищина»*.

- Мы же с тобой договаривались доверять друг другу... Помнишь?

Она ничего не ответит. И вдруг с силой швырнет телефон прямо в настенное зеркало. В ту же секунду десятки звенящих осколков с грохотом посыпаются на паркет. С громким плачем в детской проснутся дети. Всплеснув руками, в

столовую в ужасе забежит горничная и примется судорожно подметать стекло...

«Какая сильная сцена...» - пронеслось в голове Антуана. Он настолько четко представил себе каждую деталь, что на миг ему показалось: это и есть его настоящая реальность. Ужасная, грустная, серая. Обычная.

Жизнь, в которой он окончательно потерял бы самого себя.

Возможно, это и была одна из ветвей его возможных реальностей. Но он, к счастью, выбрал для себя совсем другой сценарий. Или... просто снова трусливо убегал от серьезных отношений?

Антуан сладко потянулся в кровати и вскоре крепко заснул. Счастливый уже от того одного факта, что никогда в жизни не был женат.

Проспал он до самого утра, к собственному немалому удивлению.

«Приходила ли она вечером?» - Антуан был немного раздосадован тем, что они так и не увиделись ночью.

На этот раз ему ничего не снилось. Он был полон сил и искренней готовности наконец-то вернуться к работе. От прежней дикой слабости не осталось и следа - возможно, это было чудесное действие каплеици и витаминов, а может быть, он просто впервые за последние несколько лет по-настоящему выспался. А может- это волшебный сэндвич в компании восхитительной женщины...

Кто-то застенчиво постучал. Дверь мягко отворилась, и на пороге появилась ОНА. Да, он определённо хотел её. Слишком сильно и неудержимо. Слишком...

- Ну, как вы сегодня, мой любимый пациент? - Лиза мягко улыбнулась и дразняще подмигнула.

- Думаю, что абсолютно готов к выписке. Но пока не узнаю твой номер, никуда отсюда не уйду!

- Даже если вызовут охрану? - она тихо засмеялась, приклонившись к дверному косяку. -

- Тем более если вызовут! Я в детстве ходил на тхэквондо, вот и покажу им, кто тут самый сильный и самый отчаянный.

Она подошла ближе и присела возле него на самый краешек кровати.

- Как быстро мы перешли на «ты» ... - Её миндалевидные глаза оказались совсем близко. Антуан мог рассмотреть каждую золотистую искорку в её радужке, каждую деталь её лица - и всё равно никак не мог насмотреться.

- Тебе говорили, что ты потрясающе, невероятно красивая женщина?

- Говорили... - она смущённо отвела взгляд, чуть покраснев.

«Боже, идиот, не будь таким банальным!» - пронеслось у него в голове.

- Хочешь сэндвич? - он взял её за руку, ощутив нежность её пальцев.

- Мы же вчера всё съели вдвоём.

- Так давай сходим за ними вместе вечером! Можем даже в парк, поесть там сладкой ваты. Когда ты ела сладкую вату в последний раз? - он подмигнул ей

- Не думала, что у известных актёров столько свободного времени.

- Я и сам не думал. Но сегодня меня точно никто не заставит стоять перед камерой. Да и завтра тоже. Пока я не получу твой номер телефона.

Лиза придвинулась ближе, обдав его теплом своего дыхания, и нежно поцеловала в щёку. - Да. Я очень хочу в парк, - прошептала она и выбежала из палаты.

Антуан ещё несколько минут сидел неподвижно, смакуя каждую деталь: её очаровательный взгляд, чистый аромат духов и этот неожиданный, робкий поцелуй. Встреча с этой девушкой словно выдернула его из тёмного омута и вернула к нормальной, реальной жизни. Куда-то сгинули душные видения о Жаке де Башере, растворился давивший последние месяцы страх отношений. Даже навязчивая мысль отправиться к психотерапевту испарилась сама собой.

Через полчаса в палату зашёл лечащий врач.. Он изучил показатели в карте и радостно известил о прекрасных анализах:

- Что ж, анализы в полном порядке, да и выглядите вы

безупречно - хоть сейчас отправляйтесь разбивать женские сердца. Завтра выписываем. —

- А причина обморока?

- Уверен, всему виной банальное переутомление и дикий график. Отдыхайте.

- Скажите... а можно позвать сюда медсестру Лизу? - Антуан внимательно посмотрел на доктора, чувствуя себя не мировой знаменитостью, а взволнованным пятиклассником. — Ту самую Лизу, которая дежурила вчера?

Врач усмехнулся, медленно поправляя очки на переносице и прищурившись:

- Лизу? Которая моя дочь? Антуан замешкался, пытаясь распознать в интонациях собеседника скрытый негатив или строгое неодобрение, но наткнулся лишь на лёгкую родительскую иронию.

- Видимо, да... если у вас тут работает только одна Лиза. Она ваша дочь?

- Да, ей всего двадцать два. И она пока сама не знает, хочет ли идти по моим стопам — работать с людьми, спасать их. А ведь в детстве как горела! В пять лет гордо заявила: «Папа, я буду докторшей и спасу сто тысяч жизней!» Мы с женой тогда посмеялись, но она тайком поступила в медицинский колледж, продолжая бредить этой миссией. А потом пришла работать в больницу... и на этом девичьи мечты столкнулись с суровой реальностью.

- Вот так история... - качнул головой Антуан. - А я в дет-

стве, если честно, тоже хотел стать врачом. В начальной школе всерьёз мечтал о карьере стоматолога. И о больших деньгах, конечно. Жизни я, правда, спасать никогда не собирался. А стал актёром.

- Вот так поворот: из несбывшихся медиков в кумиры экрана! Я ошеломлён, - доктор подошёл ближе и дружески похлопал Антуана по плечу.

- Она у вас очень красивая...

- Да уж, постарались с женой на славу, - врач широко улыбнулся безупречно белыми зубами. - Выглядите вы отлично, разбивать сердца вам никто не запретит... но только не Лизе. Понимаете меня?

С этими словами доктор вышел из палаты, оставив Антуана в смешанных чувствах. «знакомство с будущим тестем прямо в больничной палате!» - про себя рассмеялся он.

Время шло, а Лизы всё не было. «Может, он ей ничего не передал? Или у неё кто-то есть? Наверняка есть такой же молодой и симпатичный... Вот я идиот! Тогда к чему были эти многозначительные улыбки и флирт? Она даже автограф у меня не попросила...» Мысли хаотично кружились в голове, становясь всё более тревожными и беспорядочными. Творческие натуры вообще легко попадают в плен всяческих зависимостей. И первая из них: зависимость от других людей. Антуан никогда не считал себя зависимым. Но люди, которые не бегали за ним, не признавались с ходу в любви и не были доступны двадцать четыре на семь, всегда заставляли

его нервничать и терять покой. Антуан жаждал внимания, хоть и редко признавался в этом даже сам себе.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он уткнулся в телефон. Попытался отыскать медсестру в социальных сетях, но никакой Лизы с фамилией его лечащего врача там не обнаружилось. Сам Антуан практически никогда не заходил на свои страницы - считал это бессмысленной тратой времени. Его аккаунтом с миллионом шестисот тысячами подписчиков полностью управлял менеджер, а сам актёр заглядывал туда от силы пару раз в год.

Сегодня был как раз третий случай. От нечего делать он отрыл профиль своей бывшей девушки - той самой, которая когда-то ушла от него первой. Покрутил ленту, увеличил фото и с изумлением осознал, что она абсолютно не в его вкусе.

- И как меня вообще угораздило с ней спать?.. - вслух произнёс он с досадой.

- Спать с кем? - раздался от двери чистый, звонкий голос.

В палату переступила Лиза. Антуан мгновенно смутился от мысли, что она услышала эту двусмысленную фразу. —

- Да это я... текст репетирую! Новая роль, сложные реплики.

- Хм, получилось чрезвычайно правдоподобно! - ухмыльнулась Лиза.

- Думаешь? - Антуан улыбнулся и намеренно задержал на ней взгляд.

- Даже слишком, я почти поверила, - она медленно, с гра-

цией кошки прошла по палате, подошла к окну и лёгким движением опустила плотную штору, погружая комнату в мягкий полумрак.

- Папа сказал, что ты на мне жениться собрался.

- И он абсолютно прав, - Антуан поднялся с кровати, подошёл вплотную и взял её ладонь в свою.

Внезапная, острая страсть заполнила всё пространство больничной палаты, вытесняя даже воздух. Напряжение стало невыносимым. Он безумно, до дрожи хотел её. Лиза пылко обвила его шею руками и поцеловала первой. Она была страстной, дерзкой, пьянящей и потрясающе пахла весенней свежестью. У неё была самая гладкая, бархатистая кожа и нежные, соблазнительные руки. Через несколько вдохов, сделанных в унисон, он расстёгнул её халат, придвинул к себе ближе, покрывая поцелуями её шею и ключицы. Она тихо, сладостно застонала.

Именно тогда, прямо в больнице, где работал её отец, на широком подоконнике за спущенной шторой, и начался их стремительный роман. Отношения юной, никому не известной медсестры и неприлично богатого, харизматичного актёра, о котором вздыхали тысячи фанаток всех возрастов. Позже он не раз вспоминал ту первую встречу: её ненасытное горячее тело, частое прерывистое дыхание и эти бездонные глаза, в которых он тонул без остатка. Это была она. Его Лиза.

Чуть позже, перед самым уходом, Лиза с лукавой улыб-

кой выудила из кармана халата аккуратно сложенный листок бумаги и вложила ему в ладонь. Там ровным округлым почерком был написан номер телефона и короткая приписка: *«Жду сладкую вату в семь вечера у центрального входа в парк Монсо. Не опаздывай, звезда».*

Антуан расхохотался от души. Какая же она всё-таки потрясающая! Никакой наигранной скромности - только живая, искренняя лёгкость, которой ему так не хватало в душном мире шоу-бизнеса.

Сборы заняли минимум времени. Выписавшись и незаметно миновав парочку папарацци у чёрного хода клиники, он оказался на залитых сентябрьским солнцем улицах Парижа. Воздух был прозрачным и свежим. Никаких призраков прошлого, никаких странных видений об особняках и собаке по кличке Зефир. Только здесь и сейчас.

Вечером, ровно в семь, он стоял у кованых ворот парка Монсо. На нём были простые джинсы, белая футболка и лёгкая куртка - ничего кричащего, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Лиза появилась ровно в назначенный час. Без медицинского халата, в лёгком струящемся платье фисташкового цвета и белых кедах, она казалась ещё моложе и свободнее.

- А я боялась, что тебя по дороге украдут поклонницы! - с улыбкой произнесла она, подбегая к нему.

- Я надежно спрятался, - Антуан переплёл свои пальцы с её. - Ну что, пойдём за ватой?

- Ага- она засмеялась

Они гуляли по извилистым аллеям, ели липкую розовую вату, пачкая пальцы, и смеялись так громко, что прохожие оборачивались им вслед. Антуан рассказывал нелепые истории со съёмок, а она - забавные случаи из больничных будней.

Впервые за долгое время он не анализировал свои слова, не думал о том, как выглядит со стороны, и совершенно не боялся потерять свободу. **ВПЕРВЫЕ.**

Когда солнце начало садиться, окрашивая небо в персиковые тона, Лиза вдруг остановилась и посмотреть ему прямо в глаза: —

- Знаешь, а ведь я действительно видела твой самый первый фильм. Ты там играл юного музыканта.

Антуан замер. Внезапный холодок узнавания попытался скользнуть по спине, напоминая о странном пении мальчика в саду, но Лиза мягко коснулась его щеки, возвращая в реальность:

- Но сейчас ты нравишься мне гораздо больше.

Призрак Жака де Башера окончательно растворился в тени прошлого. Антуан наклонился и поцеловал её - не как талантливый актёр, играющий написанную кем-то роль, а как человек, который наконец-то начал жить своей собственной жизнью.

ЖАК

К слову о Жаке, роль которого досталась Антуану волею случая.

Жак был главным денди 1970-х, негласным королём парижского андеграунда и фатальной музой Карла Лагерфельда. Человек безупречного вкуса и невероятного природного магнетизма, он беспечно и красиво распылял свои многочисленные таланты, медленно утопая в океане алкоголя и случайных, разрушительных связей. Любимец матери и отца, нежный, изысканный и трагически уязвимый, Жак так и не смог найти своего места в этом мире, слишком рано покинув его.

Высокий статус родителей, учеба в престижном Университете Пантеон-Ассас и привитое с молоком матери безупречное чувство стиля- формировали его характер.

Жак никогда не хотел быть обычным. Его до судорог пугала посредственность, размеренность и серая стабильность. Бунтарский протестующий нрав проявился уже в пятнадцать лет, когда Жак страстно влюбился в своего школьного преподавателя. Его всегда манили люди с особым, опасным видением жизни - смелые, целеустремленные, готовые перешагнуть через общественные табу.

Потом началась пора беспощадных экспериментов над собой. Жак превратил собственное тело и жизнь в арт-объект, изнурая себя пороком. Он допытывался до самых темных глубин человеческой природы и, кажется, делал всё, чтобы

как можно скорее себя уничтожить. С профессией происходило то же самое: бесконечные скитания и отчаянный поиск себя. В 1972 году он даже устроился стюардом в Air France, но романтика полётов быстро померкла перед соблазнами ночного Парижа. Светская жизнь, закрытые клубы вроде *Le Sept* и безудержная свобода держали его намертво.

Хронически погруженный в алкогольный угар, отвернувшийся от собственной души, систематически предающий свой светлый дар - он увядал на глазах. Родители по-прежнему были ему рады и ждали в замке, но Жак приезжал всё реже: он до судорог боялся их тихой грусти, неудобных вопросов и разочарованного молчания. Почва уходила из-под ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.